

Глава I

Сэм Стюбнер просматривал свою корреспонденцию быстро и небрежно. Как и полагается менеджеру профессионального бокса, он привык к самым разнообразным, самым диковинным письмам. Казалось, не было того чудака спортсмена, любителя бокса или фантазера, который не пытался бы навязать ему свои выдумки. Сэм знал наизусть всю ту нелепую чепуху, какая попадалась ему почти в каждой почте. То это были угрозы — от самой мрачной: покончить с ним раз и навсегда — до более миролюбивой: просто разбить ему морду, — то всякие талисманы — от кроличьей лапки до счастливой подковы, то безответственные предложения каких-то незнакомцев — начиная от заключения пари на незначительные суммы до ставки в четверть миллиона долларов. С тех пор как он однажды получил ремень для правки бритв из кожи линчеванного негра и сморщенный, высохший на солнце палец белого человека, чей труп нашли в Долине смерти, Сэм считал, что вряд ли почтальон сможет еще чем-нибудь удивить его. Но в это утро ему попало такое письмо, что он перечитал его дважды, сунул в карман, затем снова вытащил и перечитал в третий раз. На штемпеле стояло название какого-то совершенно неизвестного

почтового отделения в округе Сискью, а в самом письме было написано вот что:

«Дорогой Сэм!

Вы меня не знаете, разве что по имени. Пришли вы на ринг, когда я уже давным-давно выбыл из игры. Но я от жизни не отстал, верьте слову. Я и за спортом следил и за вами лично с того матча, когда вас нокаутировал Кэл Оуфмен, до вашей последней встречи с Натом Белсоном, и, по-моему, другой такой менеджер, как вы, еще не родился на свет.

И вот я хочу предложить вам одно дело. У меня есть небывалый, замечательный боксер. Я не выдумываю. Тут все чисто, без обмана. Представьте себе силача весом побольше двухсот двадцати фунтов, от роду двадцати двух лет, и с таким ударом, какой мне и в лучшие мои годы не снился. Это мой собственный сын, Пат Глендон-младший, — пусть под таким именем и выступает. Я все обдумал и решил. Самое лучшее, садитесь сейчас же в поезд и приезжайте скорей к нам.

Я сам его воспитал, сам обучил. Я научил его всему, что сам умел. Верите ли, он теперь лучше меня все знает. Он родился боксером. По быстроте, по глазомеру он чудо природы. До секунды чувствует время, до дюйма знает дистанцию, — ему и думать не надо. У него самый короткий удар сильнее полного свинга всяких мазил.

Вот говорят: «Надежда белых». Это про него. Приезжайте, сами посмотрите. Помню, вы любили поохотиться, еще когда разъезжали с Джеффрисом. Приезжайте, и я вам тут устрою такую охоту, такую рыбную ловлю, что перед ними всякие ваши киносьемки по-

бледнеют. Пошлю с вами Пата-младшего. Я-то уже не ходок, потому и вызываю вас сюда. Сначала я сам собирался вывести его на ринг, но ничего не выходит. Я совсем сдал, видно, скоро мне нокаут. Так что поторапливайтесь. Хочу передать его вам. Для вас обоих это дело — клад. Только уж контракт я составлю сам.

С уважением, ваш Пат Глендон».

Стюбнер не знал, что и подумать. С первого взгляда все это было очень похоже на попытку разыграть его — боксеры, как известно, великие шутники и, вчитываясь в письмо, он пытался разглядеть в нем тонкий почерк Корбетта или тяжелую добродушную лапу Фитцсиммонса. Но если письмо не подделка, то стоило им заняться, — это было ясно. Пата Глендона он уже не застал среди боксеров, хотя однажды, еще совсем мальчишкой, он видел, как Пат тренировался с Джеком Демпсеем. Его и тогда уже звали Старый Пат, и он уже давно сошел с ринга. Он появился еще при Саллиvene и начал выступать, когда в ходу были лондонские правила бокса, и только на исходе своей карьеры уже дрался по новейшим правилам маркиза Куинсберри.

И разве был хоть один любитель бокса, который не слышал бы о Пате Глендоне? Конечно, теперь мало осталось людей, видевших его в расцвете славы, да и тех, кто вообще видел его, уже осталось немного. Однако его имя вошло в историю бокса, и не было справочника, где бы оно не упоминалось. Правда, слава его была какая-то необычная. Он был в чести, как никто другой, но ни разу не стал чемпионом. Ему очень не везло, и его считали боксером-неудачником.

Четыре раза он чуть не завоевал звание чемпиона в тяжелом весе, и, надо сказать, вполне по заслугам. В первый раз на барже в Сан-Франциско, но в тот момент, когда его противник совсем было сдался, Пат вывихнул руку. Потом на островке, на Темзе, когда вода поднялась до шести дюймов, он вдруг в такой же момент — перед самой победой — сломал ногу. Всем памятен и провал матча в Техасе: там полиция устроила облаву как раз в ту минуту, когда Пат взял своего соперника в оборот. И, наконец, в том бою в Сан-Франциско в клубе железнодорожников, когда Пата с самого начала исподтишка подсиживал судья — подлец и бандит, которого подкупила компания игроков, ставивших на противника Пата, Пат Глендон в этой встрече дрался благополучно, но когда он нокаутировал своего соперника ударом правой в челюсть, а левой — в солнечное сплетение, судья спокойно дисквалифицировал его за запрещенный удар. Все секунданты, все специалисты по боксу, весь спортивный мир — все знали, что ни о каком неправильном ударе и речи быть не могло. Но по боксерским традициям Пат Глендон согласился признать решение судьи. Пат принял его и отнес и эту неудачу на счет своего обычного невезения.

Таков был Пат Глендон. Стюбнера смущало только одно: кто написал письмо — Пат или не Пат? Он захватил письмо с собой на работу. «Где Пат Глендон и что с ним случилось?» — спрашивал он в это утро у всех спортсменов. Но никто ничего не знал. Некоторые думали, что Пат умер, хотя наверняка никто этого не утверждал. Редактор спортивного отдела одной из утренних газет просмотрел свой архив и не

нашел никаких сообщений о смерти Пата. Узнал Стюбнер о нем только от Тима Доновена.

— С чего ему помирать? — заявил Доновен. — Разве такой помрет, с его силищей, да еще если он не пил и вообще жил тихо, мирно. Он много зарабатывал и зря денег не мотал — все копил и выгодно пускал в оборот. Знаете, сколько у него было салунов? Целых три! А какую кучу денег он за них получил! Погодите, вот тогда-то я и виделся с ним в последний раз, когда он все распродал. Лет двадцать прошло, а то и больше. Жена у него только-только скончалась. Мы встретились у парома, и я спросил у Пата:

— Ты куда, старина?

— Подамся в леса, — ответил он. — Я все бросил! Прощай, Тим, дружище!

Больше я его с той поры не видел. Но жив-то он безусловно!

— Говоришь, у него жена умерла? — спросил Стюбнер. — А ребята у него были?

— Был один, совсем, еще маленький. Он его нес на руках, когда я его встретил.

— Мальчик?

— А я почему знаю!

Вот тут-то Сэм Стюбнер и решился окончательно и вечером уже летел курьерским в самую глушь Северной Калифорнии.

Глава II

Ранним утром Сэм Стюбнер соскочил с поезда на глухом полустанке Дир-Лик и целый час околачивался на улице, пока не открыли единственный местный

салун. Нет, хозяин заведения ничего не знал о Пате Глендоне, даже и не слышал о нем. Наверно, живет где-нибудь в горах, если вообще тут есть такой. И сидевшему тут же завсегдаю салуна тоже ничего не было известно о Пате Глендоне. Не знали о нем и в гостинице. И только когда открылись почта и лавка, Стюбнеру удалось напасть на след. Конечно, Пат Глендон живет тут, только это бог знает где! Надо ехать сорок миль дилижансом до Олпайна — это лагерь дровосеков, от Олпайна верхом, по Антилопьею долине, а там — через перевал, к Медвежьему ручью. Где-то за ручьем и живет этот Глендон. В Олпайне вам скажут, где. Да, есть и сын, тоже Пат. Лавочник его видел. Он приезжал в Дир-Лик года два назад. Старого Пата уже лет пять не видно. Бывало, покупал все припасы в лавке и платил чеками. Седой такой старик, чудаковатый. Больше лавочник ничего не знал, но сказал, что в Олпайне ребята направят Сэма куда надо.

Стюбнер был очень доволен. Значит, действительно существует Пат Глендон-младший, и живут они со стариком в горах.

Переночевав у дровосеков в Олпайне, Сэм на рассвете выехал на индейской лошаденке вверх по Антилопьею долине и, перебравшись через перевал, спустился к Медвежьему ручью. Ехал он весь день — никогда не доводилось ему бывать в таких диких, глухих местах — и только к вечеру стал подыматься вверх по долине Пинто, по такой узкой и крутой тропе, что не раз приходилось слезать с лошади и идти пешком.

К одиннадцати часам ночи он остановился у бревчатого дома, где два огромных волкодава встре-

тили его оглушительным лаем, но тут открылась дверь, и Пат Глендон бросился ему на шею и потащил в дом.

— Знал, что ты приедешь, Сэм, братец ты мой! — приговаривал Пат, ковыляя по комнате, пока не разгорелся огонь, не вскипел кофе и не поджарился огромный кусок медвежатины. — Мой малый сегодня на ночь не вернется. У нас мясо вышло, он и пошел с вечера пострелять оленей. Больше я про него ни слова не скажу — сам увидишь, вот погоди! Утром, как вернется, ты его прощупаешь... Вон и перчатки висят. Погоди, сам увидишь!

...Я-то человек конченный. Восемьдесят первый год пошел с января. Для старого бойца не так-то плохо. Да я себя всегда берег, Сэм, по ночам не шлялся, свечку, как говорится, с двух концов не жег. Много мне было дано. Посмотри на меня и сам скажи, плохо я сохранился, а? Я и сына так воспитал. Только подумай: ему двадцать два года, а он ни разу в жизни не выпил и вкуса табака не знает! Вот он какой у меня! Ростом — великан; всегда жил на воле. Вот подожди, он возьмет тебя с собой на охоту. Ты належке пойдешь — и запыхаешься, а он будет нести все снаряжение да еще громадного оленя в придачу — и хоть бы что... Вырос на воздухе, ни зимой, ни летом под крышей не спал. Всегда его учил: вольный воздух — вот главное! Меня только это и беспокоит: как он привыкнет спать в доме, как выдержит прокуренный воздух на ринге? Страшная это штука — табачный дым когда разойдешься в бою, а воздуха не хватает. Ну ладно, Сэм, братец мой, хватит болтать, тебе спать пора. Устал, наверно? Погоди-ка, увидишь его, только погоди!..

Но на старости лет Пат стал болтлив и долго не давал Стюбнеру заснуть.

— Он может оленя загнать на бегу, мой малый, — снова заговорил старик. — Нет лучше тренировки для легких, чем охотничья жизнь. Он мало чего знает, хоть и читал всякие книжки, даже стихи почти читывает. Настоящее дитя природы. На него только взглянешь — сразу поймешь. Закваска в нем старая, ирландская. Иногда посмотрю на него — витает где-то, мечтает! Ну, думаю, не иначе, как верит во всякую чертовщину — в разных фей там, или лесных. А природу любит, как никто, и города боится. Он про все читал, а сам нигде, кроме как в Дир-Ли-ке, и не был. Очень ему не понравилось, что там людей много. «Не мешало бы, — говорит, — прополоть их хорошенько». Побывал там года два назад — в первый раз увидел настоящий поезд, — а больше нигде и не был.

...Иногда мне думается: может, зря я его воспитал таким дикарем? Но зато у него и дыхание, и выдержка другие, и сила, как у быка. С ним ни одному городскому человеку не совладать. Конечно, скажем, Джеффрис, когда он был в форме, тот еще мог бы слегка потрепать мальчишку, но именно слегка... Мой сломил бы его, как соломинку. А ведь с виду никогда не скажешь. Прямо чудо какое-то! С виду он просто красивый малый — молодой, сильный. Но у него мышцы не такие, как у всех. Погоди, сам увидишь, все поймешь.

...Удивительно, до чего он любит всякие там цветочки, лужайки или сосны, когда на них месяц светит, или еще облака на закате; а то смотрит с Лысой горы, как солнце встает. И вечно его тянет рисовать

картинки или бормотать стишки — про Люцифера, про ночь... Ему книжки давала рыженькая учительница. Но это, конечно, по молодости лет. Он втянется в игру, нам бы только направить его. Вначале, пока не привыкнет жить в больших городах, он, может, и поворчит малость, — ты будь к этому готов.

...Хорошо, что он женщин боится. Он о них и думать не станет в ближайшие годы. Ничего в них не понимает, в этих существах, да и не видал их почти совсем. Была тут одна учительница с Самсоновой поляны, та, которая ему голову забила стишками. Влюбилась в парня, как сумасшедшая, а он ни черта не понимал. Волосы у нее были — чистое золото... Сама не здешняя, а оттуда, из долины. Дальше — больше, совсем голову потеряла, так и бегала за ним, бесстыдница. И что же, по-вашему, этот мальчишка выдумал, когда понял, что делается? Перепугался хуже зайца! Схватил одеяла, ружье и удрал в самую глушь, в леса. Целый месяц я его не видел. Потом он как-то прокрался домой ночью, а на рассвете опять удрал. На письма ее и смотреть не хотел. «Сожги ты их», — говорит. Ну я, конечно, все сжег. Два раза она приезжала к нам верхом, — это с самой Самсоновой поляны! До чего мне ее жаль было, бедняжку! По лицу было видно, истосковалась она по мальчишке. А через три месяца бросила школу и уехала к себе на родину. И только тогда малый совсем вернулся ко мне сюда, домой.

Да, многих хороших боксеров сгубили женщины. Но с ним этого не случится. Он краснеет, как девчонка, стоит только какой-нибудь молоденькой мигнуть ему разок-другой или просто посмотреть пристальней. А на него все так и заглядываются.

Зато когда он дерется — ох, как он дерется, боже ты мой! В нем ирландская кровь закипает, дикая кровь, так и бросается ему в кулаки! И не то чтобы он терял выдержку. Как бы не так! У меня даже в молодости такого хладнокровия не бывало. Боюсь, что только от вспыльчивости со мной и случались всякие несчастья. Но он, как льдина! Лед, а под ним огонь. Будто электрический провод под током в холодильнике.

Стюбнер совсем задремал, но проснулся от бормотания старика. Сквозь сон он стал слушать, что тот говорит:

— Да, я сделал из него настоящего человека, клянусь богом! У него и кулаки настоящие, и ноги крепкие, и глаз отличный. Я-то знаю бокс. И от времени не отстаю, слежу за всеми новшествами! Говоришь, низкая стойка? Ясно, знает, — он все стили знает, все приемы, как экономить силу: никогда не сдвинется на два дюйма, если можно на полтора. Захочет — прыгнет, как кенгуру. А ближний бой! Сам увидишь, погоди! Лучше, чем на дальней дистанции, а ведь он наверняка потягался бы с Питером Джексоном* и превзошел бы Корбетта** в самом его расцвете. Говорю тебе: я его всему научил, нет такого трюка, чтобы он не знал; но он ушел еще дальше. Он в боксе просто гений. А здесь, в горах, у него было на ком себя испытать — силачей тут сколько угодно! Я его обучил всем тонкостям, а они показали, что значит драться. Думаешь, они с ним стеснялись или деликатничали? Так стиснут в клинче, так швырнут

* Джексон Питер (1861–1901) — австралийский боксер-тяжеловес. — *Здесь и далее примеч. ред.*

** Корбетт Джеймс Джон (1866–1933) — американский боксер, чемпион мира в супертяжелом весе.

в схватке, что впору дикому медведю или бешеному быку. А он с ними играет. Ты слышишь? Играет, как мы с тобой играли бы со щенками!

Стюбнер опять заснул, но вскоре проснулся от голоса старика.

— И самое смешное — ведь он не принимает бокс всерьез. Ему все это до того легко дается, что для него это вроде забавы. Но погоди, пусть-ка ему подвернется сильный противник. Ты только погоди, вот увидишь! Он как включит ток в этом своем холодильнике, как пойдет бить по всем правилам искусства... Нет, ты такой красоты еще не видел!

В зябком рассвете горного утра старик вытащил Стюбнера из-под одеяла и хрипло шепнул:

— Вон он идет по тропке! Скорей, иди, взгляни на лучшего боксера в мире, таких ринг еще не видал и через тысячу лет не увидит!

Менеджер выглянул в открытую дверь, протирая заплывшие от сна глаза, и увидел, как на просеку вышел молодой гигант. В одной руке он нес ружье, на плечах у него лежал огромный олень, но шел он так, будто добыча ничего не весила. На нем был грубый синий комбинезон без куртки, расстегнутая у ворота шерстяная рубашка и мокасины вместо башмаков. Стюбнер заметил, что ступал он легко, как кошка; совсем, не чувствовалось, что он весит двести двадцать фунтов, не считая тяжелой ноши. На менеджера он сразу произвел огромное впечатление. Сила действительно потрясающая. Но к тому же в нем было что-то необыкновенное, особенное. Это был новый, еще не виданный тип бойца. Он больше походил на сказочного великана или героя старинной народной легенды, блуждающего по но-